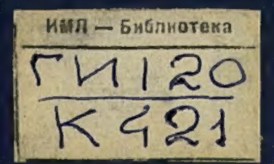
Кельтов
Кадетизм и большевизм...
М., 1917

К. И. Кельтовъ.

Кадетизмъ и большевизмъ.

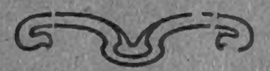

ИЗДАНІЕ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА
„Общественное Дѣло".

МОСКВА.
Типографія „Заря", Солянка, 8. Тел. 3-39-72.
1917 г.

К. И. Кельтовъ.

Кадетизмъ и большевизмъ.

ИЗДАНІЕ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА
„Общественное Дѣло“.

МОСКВА.
Типографія „Заря“, Солянка, 8. Тел. 3-39-72.
1917 г.

Кадетизмъ и большевизмъ.

Разговоры о контръ-революціи висятъ въ воздухѣ и давятъ общественное сознаніе на подобіе тѣхъ тяжелыхъ свинцовыхъ тучъ, что поминутно скрывали отъ насъ первомайское солнце. Нѣкоторымъ провидцамъ уже мерещатся іюньскіе дни 48 года и жестокій разстрѣлъ коммуны 71 года, въ память героической смерти которой былъ установленъ первомайскій праздникъ. Но не скрыть зимнимъ мятелямъ весенняго солнца! То, что вамъ кажется контръ—революціей есть ни что иное, какъ манера говорить—это самодержавный акцентъ русской революціи. „Провокаторъ"!—кричитъ кадетъ по адресу большевика и тотчасъ получаетъ въ отвѣтъ: „шовинистъ, погромщикъ"! Кто правъ изъ нихъ, кто виноватъ—судить не намъ,—наша цѣль—постараться обрисовать позицію той и другой стороны и выяснить, насколько угрожающе обстоитъ дѣло.

Въ самомъ важномъ вопросѣ расхожденія нѣтъ. Революція буржуазна. Есть среди большевиковъ очень незначительная группа, допускающая какъ будто бы возможность въ настоящій моментъ соціальной революціи. Объ этой группѣ говорятъ въ связи съ именемъ Ленина. Однако, отождествлять большевизмъ съ ленизмомъ—недобросовѣстный полемическій пріемъ. Расхожденіе—въ тактикѣ. Обѣ сторо-

ны обвиняютъ другъ друга въ демагогіи. Обѣ правы. Демагогія—изнанка демократіи. Въ демократіяхъ допустимы духовное одиночество Платона и казнь Сократа. Нужно думать, что интеллектократія—политическая форма будущаго соціальнаго строя, еще нигдѣ недостигнутая,—идетъ на смѣну демократіи. Власть перешла къ народу. Ни кадеты, ни большевики—не анархисты. Они власть признаютъ. Каждый изъ нихъ борется за власть, вербуя сторонниковъ по своему. Острые лозунги, выдвинутые жизнью:—„Война“ и „Миръ“, наиболѣе ощутимы для массъ, наиболѣе для нихъ понятны. Естественно, что вокругъ этихъ понятій кипитъ борьба. Агитаціонный мыльный пузырь у кадетъ—„Война“, у большевиковъ—„Миръ“. Вокругъ этихъ лозунговъ группируются и другія партіи. Но въ полемической борьбѣ, гдѣ каждый старается довести мысль противника до абсурда, кажется, что Россія раздѣлилась на два лагера, исключающихъ другъ друга. За войну—буржуазія, за миръ—пролетаріатъ. А дворянство? А крестьянство? Эти двѣ группы, имѣющія огромное значеніе въ нашей странѣ, гдѣ онѣ? Да тоже группируются вокругъ этихъ лозунговъ. Получается знакомая картина: вѣрноподданные и крамольники. Подъ солнцемъ Революціи мѣста много. Не нужно бояться фракціонности, но нельзя переходить и въ сектанство, объявлять себя монополистами истины. Нужно быть терпимымъ. Время костровъ и инквизиціи прошло. Незачѣмъ предавать другъ друга анаѳемѣ. Соціалъ-демократическая партія едина несмотря на то, что туда входятъ и ленизмъ, и большевизмъ, и меньшевизмъ. Необходимъ партійный съѣздъ, необходима согласованность для творческой организаціонной работы. Девизъ—что не я—ложно и нетерпимо—девизъ старой власти. Съ нимъ жить нельзя. Это принципъ смерти. Гдѣ нѣтъ сознательнаго объединенія, тамъ происходитъ безсознательное объединеніе. Не можетъ не броситься въ глаза слѣдующее странное явленіе. Страна, жившая 300 лѣтъ монархіей, вдругъ по щучьему велѣнію обратилась въ такую демократію, какъ Америка, гдѣ нѣтъ монархическихъ партій.

Оглянитесь, гдѣ монархисты? Гдѣ ихъ партія? Гдѣ ихъ органъ?—Таковыхъ нѣтъ. Зато девизъ ихъ и лозунгъ налицо и пользуется успѣхомъ: „Разъединяй и властвуй“. Объединенное дворянство выпустило диктатуру изъ своихъ рукъ, потому что разъединилось во время войны на пораженцевъ-германофиловъ и ура-патріотовъ сторонниковъ согласія. Куда они дѣлись? Приспособились. Какъ извѣстно, красный цвѣтъ сталъ защитнымъ, Ура-патріоты бросились къ кадетамъ, а пораженцы совершаютъ іудово предательство, становясь на точку зрѣнія интернаціонала и мира безъ аннексій. У кадетъ весьма, весьма неблагополучно: у нихъ примирилось непримиримое: федеративная Русская Республика и Крестъ на св. Софіи. Тысячу разъ правы большевики, разоблачая несовмѣстимость мирнаго прогресса и военнаго захвата (пересмотръ договора съ союзниками и его опубликованіе необходимы). Но большевики должны чаще повторять, что сепаратный миръ съ Вильгельмомъ для нихъ неріемлемъ. Они за миръ при условіи торжества революціи въ Германіи, Франціи, Англіи. Такимъ подчеркиваніемъ они устронятъ возможность пораженцамъ, прикрываясь ихъ лозунгами, сѣять раздоръ въ демократичныхъ кругахъ. Отъ большей ясности они проиграютъ быть можетъ въ количествѣ сторонниковъ, но эта убыль возмѣстится качествомъ. Терпимость и ясная точная формулировка программъ—вотъ лозунгъ момента. При такихъ условіяхъ можетъ быть сотрудничество партій такъ, какъ оно наблюдается въ Европѣ въ настоящую минуту. Дѣленіе же на версальцевъ и коммунаровъ у насъ немыслимо да и несоотвѣтствуетъ дѣйствительности. Однако не мѣшаетъ твердо помнить и кадетамъ, что истребленіе коммунаровъ бросило Францію на путь реакціи, изъ которой она едва-едва выбралась. Вѣдь 3-я французская республика 75-го года прошла только однимъ голосомъ и не стала монархіей лишь изъ-за упрямства графа Шамбора, не пожелавшаго признать трехцвѣтнаго французскаго знамени, замѣнившаго еще со временъ Великой Революціи бѣлую королевскую лилію. Взаимныя обвиненія кадетъ и

большевиковъ въ контръ-революціи тотъ же полемическій пріемъ. И тѣ и другіе, какъ убѣжденные демократы, спятъ и видятъ созывъ Учредительнаго Собранія.

Однако опасность военной диктатуры (бонапартизма) огромна и возникнуть ей тѣмъ болѣе легко, что сложившаяся обстановка, выражающаяся въ полной разрухѣ экономическаго быта и соціальнаго уклада, способствуетъ желанію успокоенія во что бы то ни стало въ огромной массѣ населенія. Военная диктатура на руку тому же объединенному дворянству, только что выпустившему ее изъ своихъ рукъ. На него то и работаютъ, благодаря нежеланію или неумѣнію найти общій языкъ, такія два могучія теченія демократизма, какъ кадетизмъ и большевизмъ. Большевизму Учредительное Собраніе еще дороже и ближе чѣмъ кадетамъ, ибо въ немъ они могутъ оказаться многочисленнѣе, чѣмъ въ томъ Національномъ Собраніи, къ которому обратится военная диктатура для санкціонированія своей власти. Для кадетъ же разница небольшая: въ Учредительномъ Собраніи они займутъ правый центръ, а въ національномъ собраніи—лѣвый. Что касается большевиковъ, то для нихъ разница огромная: въ Учредительномъ Собраніи они будутъ составлять переходъ отъ лѣваго С.-Р.-овскаго центра къ крайней лѣвой—ленинцамъ, а въ Національномъ Собраніи могутъ разсчитывать лишь на крайній лѣвый флангъ.

Техническія средства для достиженія диктатуры въ видѣ кавалеріи и легкой артиллеріи легко могутъ оказаться въ рукахъ дворянства; агитаціоннымъ средствомъ является тотъ самодержавный жаргонъ революціи, подоплеку котораго мы пытались сдѣлать ясной.

У кадетъ и большевиковъ есть общій отправной пунктъ—трактованіе совершившагося переворота, какъ буржуазной революціи. Есть и общая цѣль—созывъ Учредительнаго Собранія. На этомъ при желаніи можно было бы столковаться. Къ сожалѣнію партіи эти говорятъ на разныхъ языкахъ, и соглашеніе между ними врядъ ли возможно, тѣмъ болѣе что имѣются и весьма значительныя разногласія. Прежде

всего толкованіе о революціи у тѣхъ и другихъ весьма различно. Большевики стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что война революціи помѣшала. Не будь войны, революція все равно произошла бы за эти 3 года. Начавшееся передъ войной броженіе въ Петроградѣ привело бы къ революціи. Война отвлекала вниманіе народа отъ внутреннихъ дѣлъ страны и задушила революцію. Царское правительство не втянуто въ эту войну, оно само ее затѣяло, чтобы сознательно потопить въ морѣ національзма крѣпнущее движеніе революціоннаго пролетаріата. Революція произошла вопреки войнѣ. Теперь продолженіе войны грозитъ опасностью создать въ массахъ увлеченіе милитаризмомъ и привести страну къ Бонопартизму. Проклятіе войнѣ, всякой войнѣ! Нѣтъ войнъ паработительныхъ, нѣтъ войнъ освободительныхъ! Подраздѣленіе войны на оборонительную и наступительную безсмысленно. Всякая война бываетъ попеременно то оборонительной, то наступительной. Война—явленіе капиталистическаго строя. Такъ же, какъ свѣтъ присущъ дню, а ночи тьма, война присуща капитализму. Сверженіе капитализма, замѣна его соціалистическимъ строемъ—вотъ единственная возможность упразднить войны. Долой войну!—говорили они до войны и во время войны. Долой войну!—говорили они при царизмѣ, повторяли въ пеклѣ народнаго мятежа, говорятъ это и теперь. Такова позиція большевизма. Строгая марксистская послѣдовательность и отстаиваніе своихъ вполнѣ опредѣленныхъ позицій. О какой нибудь демагогичности въ томъ смыслѣ, чтобы поддѣлаться, сознательно кривя душой, ко вкусамъ толпы тутъ и рѣчи быть не можетъ. Будь военная картина иная: угрожай мы Берлину, а не нѣмцы Петрограду, для большевика это не имѣетъ значенія. Онъ все равно кричалъ бы „долой войну“. Это какъ быкъ, который бросается на все красное, не разбирая флажекъ ли это торреадора, или играющій на лугу ребенокъ. Случайно совсѣмъ произошло то, что уставшій отъ войны народъ съ радостью бросился на это идейное теченіе, которое отвѣчаетъ его глубокому и страстному желанію мира. Большевики

этимъ пользуются. Требовать отъ нихъ, чтобы они отказались отъ своего лозунга такъ же дико, какъ требовать отъ жениха отказа отъ любящей его невѣсты. Иное дѣло пораженцы! Тѣ кричатъ „долой войну" лишь послѣ того, какъ ошиблись въ своихъ разсчетахъ на свое численное превосходство и на особенно дѣйственную поддержку Франціи и Англіи. Однако справедливость требуетъ сказать, что и среди нихъ были не только честолюбцы и глупцы, вродѣ Распутина и Протопопова, но и люди искренно убѣжденные въ своемъ германофильствѣ, видѣвшіе благо Россій въ сближеніи съ Германіей и въ рабскомъ подражаніи ея установленіямъ.

Война показала, что въ своихъ восторгахъ передъ организаторскою мощью Германіи они были правы. Негодяи и нравственно гаденкіе люди бываютъ во всѣхъ партіяхъ. Особенно много ихъ оказалось въ лагерѣ паражѳнцевъ. Дѣйствительность показала, что и большевики отъ нихъ не застрахованы. Ссылка на личности наиболѣе элементарный пріемъ критики идейнаго противника и отъ этого способа слѣдуетъ отказаться, несмотря на то, что онъ крайне соблазнителенъ у насъ, гдѣ политическое мышленіе не только массъ, но и широкихъ круговъ интеллигенціи весьма примитивно. Внѣшнее сходство позиціи пораженцевъ и большевиковъ тоже подкупающе дѣйствуетъ на критику не особенно разборчивую въ средствахъ. Большевизма,—теченіе, бывшее до сихъ поръ подпольнымъ, многіе не знаютъ, а потому ему нужно особенно тщательно выяснять свою позицію. Кадеты за него дѣлать этого не могутъ: они слишкомъ заняты. Да кромѣ того паденіе царизма такъ смѣшало все и вся, что кадетизмъ сдѣлался тихою пристанью всѣхъ, потерпѣвшихъ крушеніе, и потерялъ внѣшне ту строгую академичность, которою онъ отличался раньше. При томъ сильномъ отклоненіи общества влѣво какое вызвало паденіе царизма, инстинктъ общественнаго самосохраненія толкнулъ кадетъ вправо. Они очутились въ положеніи тормозящаго на спускѣ, положеніи имъ чуждомъ. Точно выдѣлить каде-

тизмъ изъ того либеральнаго теченія, которое представлено большой повседневной печатью, трудно. Выдѣленіе это произойдетъ въ ближайшемъ будущемъ, пока же такія направленія, какія представлены въ „Утрѣ Россіи", „Русскихъ Вѣдомостяхъ" и „Русскомъ Словѣ", мало дифференцированы; это даетъ намъ поводъ разсматривать ихъ подъ общимъ видомъ, который мы называемъ кадетизмомъ. Безразличные до сего времени обыватели и перекочевавшіе октябристы и даже просвѣщенные абсолютисты — нахлынули въ партію Народной Свободы, наводнили ее и внѣшне преобразили, не усвоивъ еще себѣ вполнѣ ея программы.

Получилось явленіе, напоминающее общеизвѣстное положеніе временъ французской Великой Революціи, когда появились сторонники большей королевской власти, чѣмъ самъ король. Теоретически партія Народной Свободы не только не поправѣла, а наоборотъ полѣвѣла, принявъ демократическую республику и женское избирательное право. Мы думаемъ, что она пойдетъ и дальше, выскажется яснѣе за федеративное устройство Россіи такъ же, какъ она высказывается за пропорціональное представительство и референдумъ. Неясности и ссылокъ на Учредительное Собраніе, какъ на рѣшающую инстанцію, допускать теперь нельзя. Ужъ лучше фракціонность! Но по отношенію къ дѣйствительности она стала совершенно на другую позицію ей дотолѣ несвойственную, а именно — она сдѣлалась консервативной, въ англійскомъ смыслѣ этого слова, конечно, а не въ русской интерпретаціи, дѣлающей изъ него синонимъ мракобѣсія. Нужно думать, что партія сохранитъ всю свою гибкость и глубокое пониманіе реальнаго соотношенія общественныхъ силъ, какимъ она отличалась до сихъ поръ. Опаснѣе всего для нея, конечно, тѣ новые многочисленные сторонники, которые еще не прониклись ея духомъ искренняго и глубокаго конституціонализма, а наоборотъ, своимъ все еще самодержавнымъ по инерціи строемъ мыслей и дѣйствій привносятъ нѣкоторую реакціонность во внѣшнее проявленіе партійнаго образа. Вносятъ тотъ самый „духъ", на которомъ

настаивалъ „Солдатъ-Гражданинъ“ и отъ котораго вполнѣ резонно открещивались „Русскія Вѣдомости“, ибо это вовсе не ихъ „духъ“. Пояснимъ примѣромъ изъ печальныхъ апрѣльскихъ дней, тѣмъ болѣе печальныхъ, что они возникли на почвѣ такихъ недоразумѣній, какъ этотъ самый злополучный духъ въ ковычкахъ. Въ антиправительственныхъ манифестаціяхъ были плакаты „долой Временное Провительство“; нѣкоторыя лица срывали эти плакаты. Они думали про себя, что они, поступая такъ, дѣйствуютъ въ духѣ Партіи Народной Свободы. Лѣвая печать весьма тактично не использовала этого промаха слишкомъ ярыхъ защитниковъ Новаго Правительства, прибѣгшихъ къ пріемамъ въ духѣ стараго самодержавнаго правительства, а никакъ не „Русскихъ Вѣдомостей“. Съ точки зрѣнія конституціонализма сторонники правительства должны были организовать свою демонстрацію съ лозунгами „да здравствуетъ Временное Правительство“ и своею численностью показать ту дѣйствительную сферу симпатій, которыми располагаетъ правительство. Вотъ это было бы въ духѣ „Русскихъ Вѣдомостей“. Въ концѣ концовъ оно такъ и вышло. Напряженность момента теперь страшная. Жизнь наша стала хаотичной. Да и одна ли наша жизнь? Въ Англіи, въ классической странѣ конституціонализма 1-го августа 1914 года намъ пришлось наблюдать такую же антиконституціонную сцену какъ у насъ. Правда, тамъ человѣческихъ жертвъ не было, но плакаты пасифистовъ были изорваны, а они сами изрядно побиты контръ-манифестантами. Глубоко сожалѣя о печальныхъ событіяхъ апрѣльскихъ дней, мы не можемъ не выразить искренняго восхищенія передъ той организованностью и сознательностью, которыя проявлены были народными массами.

Выяснивъ своеобразность реальной структуры того общественнаго теченія, которое охарактеризовано нами наименованіемп кадетизмъ, мы перейдемъ къ теоретическимъ обоснованіямъ его въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ наиболѣе замѣтно расхожденіе съ большевизмомъ. Кадеты считаютъ, что

только война вызвала паденіе старой власти. Война обнаружила всю гниль царизма, онъ потерялъ весь свой авторитетъ у народа и палъ, какъ гнилое яблоко, подточенное червемъ. Выпавшую у царизма власть суждено было подобрать Государственной Думѣ. Но для этого нужно было чтобы Дума оказалась въ рѣзкой оппозиціи къ царизму и взяла бы на себя его окончательную ликвидацію. Столыпинская Дума была на это неспособна и ликвидація самодержавія была выполнена Рабочей Партіей при ближайшемъ участіи Соціалистовъ Революціонеровъ и большевиковъ, роль меньшевиковъ была второстепенная. Образовался особый органъ демократическаго представительства Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Идейно доминирующимъ теченіемъ этого органа сталъ большевизмъ, а въ государственной Думѣ преобладаніе получилъ кадетизмъ. Благодаря компромиссному соглашенію вся власть перешла къ Временному Правительству. Такое рѣшеніе вопроса грозило привести къ треніямъ еще до созыва Учредительнаго Собранія, ибо созывъ его устраняется выполненіемъ неотложной задачи момента—ликвидаціей войны. Отношеніе кадетъ къ войнѣ слѣдующее. Война произошла изъ-за соперничества Англіи и Германіи. Англія поддерживаетъ принципъ мелкихъ народностей въ Европѣ. Германія наоборотъ желала бы уничтоженія мелкихъ народностей и подчиненія ихъ себѣ. Кадеты допускаютъ, что война ведется за интересы Англіи, но въ данномъ случаѣ интересы другихъ народовъ, какъ то Сербіи, Бельгіи, Франціи и Россіи,—совпадаютъ съ интересами Англіи, война носитъ освободительный характеръ для этихъ странъ, на которыя Германія смотритъ какъ на полувассальныя. Для кадетъ война имѣла еще и тотъ личный интересъ, что она внесла расколъ въ сплоченную среду объединеннаго дворянства и тѣмъ самымъ открывала надежду кадетамъ получить властъ въ свои руки и сдѣлать изъ Россіи конституціонное государство. Россія вступитъ на путь эволюціи и избѣгнетъ всѣхъ ужасовъ революціи и анархіи.

Для кадетъ любой исходъ былъ пріемлемъ въ случаѣ побѣды: униженіе Германіи, обли900женіе съ Англіей и Франціей приведутъ постепенно къ установленію у насъ конституціонализма; въ случаѣ пораженія они надѣялись, что инстинктъ національнаго самосохраненія заставитъ царизмъ обратиться къ нимъ за помощью. Ни того, ни другого не случилось; война грозила затянуться на безконечное время; тогда пораженцы по уговору съ Германіей пошли ва-банкъ: инсценировали революцію, но оказались биты. Кадеты получили неожиданно для себя, сверхъ всякихъ чаяній, точно съ неба почти всю полноту власти и Учредительное Собраніе, о которомъ они и мечтать не смѣли. Все дѣло осложняла война. Побѣда Германіи могла вернуть царя, сепаратный миръ для кадетъ являлся невозможнымъ. $2^1/_2$ года они были противъ мира. Ѣздили къ союзникамъ, видѣли всѣ жертвы, принесенныя Франціей, восхищались могучей организованностью Англіи. Да къ тому же быстрое признаніе Франціей и Англіей совершившагося переворота тоже обязывало кадетъ. Приходилось взваливать себѣ на плечи ужасное бремя войны. Ясно, что война ведется на истощеніе. На скорый конецъ разсчитывать трудно. Россія крайне истощена, необходима творческая работа и при этомъ общее довѣріе. При такой обстановкѣ впервые дала себя чувствовать кадетамъ оборотная сторона столь легко доставшейся имъ власти. Пришлось допустить открытую пропаганду антимилитаризма во время войны въ Россіи, странѣ, въ которой общій уровень массъ крайне невысокъ и которымъ очень трудно отличить принципіальную точку зрѣнія противъ всякихъ войнъ вообще отъ призыва къ немедленному прекращенію войны съ Германіей. Германское правительство великолѣпно это учло, посадивъ въ тюрьму своего антимилитариста Либкнехта, прислало въ Россію Ленина. Нота Милюкова была единственнымъ выходомъ изъ логическаго круга, созданнаго большевизмомъ. Можно думать, что благодаря апрѣльскимъ днямъ, одинъ изъ наиболѣе острыхъ вопросовъ массоваго сознанія получитъ надлежащій въ духѣ

кадетизма отвѣтъ: Россія противъ всякихъ захватовъ, но оборонительную войну вести съ Германіей будетъ, иначе власть должна перейти къ совѣту рабочихъ депутатовъ для заключенія сепаратнаго мира съ Германіей, а это грозитъ междоусобіями и нужно думать, что у большевиковъ хватитъ благоразумія такъ далеко не заходить. Антимилитаристская агитація большевизма пойдетъ на убыль. Ясно, что коллизія этихъ двухъ идейныхъ теченій обогатила массовое сознаніе важнымъ коллективнымъ рѣшеніемъ. Но вѣдь была опасность контръ-революціи и междоусобицы. Опасность эта продолжаетъ существовать. Такой путь скользкій и опасный сознательно выбранъ большевизмомъ, который стоитъ на точкѣ зрѣнія революціи, тогда, какъ кадетизмъ эволюціоненъ. Не встрѣтитъ онъ своего идейнаго противника въ большевизмѣ, его формула легко могла бы откристаллизоваться въ народномъ сознаніи въ шовинистическій имперіализмъ, т. е. мертвый, недѣйственный. Эта коллизія двухъ идейныхъ теченій, скрещиваясь и переплетаясь съ другими родственными, но менѣе выпуклыми теченіями, представляется намъ какъ общественная динамика. Періоды частыхъ и бурныхъ коллизій намъ кажутся эпохами революцій, болѣе медленное теченіе—эволюціей. День революціи больше значитъ въ народномъ сознаніи, чѣмъ мѣсяцъ мирнаго теченія. Мы думаемъ, что періодъ отъ 25 февраля 1917 года до 25 апрѣля того же года оставилъ болѣе глубокій слѣдъ въ народномъ сознаніи, чѣмъ весь періодъ отъ 1906 до 1915 г. Большевизмъ, какъ крайнее теченіе, естественно, болѣе революціоненъ, а потому онъ хотѣлъ бы продлить революціонный періодъ возможно дольше. Онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія, что наша революція только начинается, что Европа переживаетъ опять какъ бы эпоху весьма сходную съ революціей 89 года. При чемъ роль Парижа перешла къ Петрограду. Если революція будетъ идти такимъ темпомъ годъ или 2, то можетъ встать вопросъ о коренномъ переустройствѣ общества на новыхъ принципахъ соціализма. Кадетизмъ робѣетъ передъ такими перспективами. Онъ болѣе

склоненъ сравнивать переживаемую эпоху съ 48 или 71 годомъ; онъ полонъ мрачныхъ предчувствій, опасается за будущее, наученный горькимъ опытомъ 1905 года.

Большевизмъ вѣритъ въ диктатуру пролетаріата. Кадетизмъ знаетъ, что правительство сохраняетъ власть лишь до той поры, пока она сохраняетъ компромиссную линію поведенія въ дѣлѣ примиренія классовыхъ интересовъ. Но одно дѣло знать, а другое вѣрить. Вѣра горами двигаетъ, говоритъ вѣковая мудрость человѣка. Нѣкоторыя хозяйки пекутъ блины (вѣрнѣе пекли въ доброе до революціонное время подъ незыблемою державою императоровъ Всероссійскихъ) подбавляя къ тѣсту соды и кислоты. (Да простится намъ сіе сравненіе!) Большевизмъ мы уподобили бы кислотѣ, а кадетизмъ содѣ. Какіе блины выйдутъ? Демократическая единая и недѣлимая республика на подобіе Франціи или федераціи на манеръ Соединеныхъ Штатовъ Америки, или своеобразная комбинація, куда войдутъ съ коммунистической организаціей большіе Вольные города, кооперизованные желѣзнодорожные и прочіе союзы и трудовыя земельныя общины, можетъ быть, конечно, и то, что мы вернемся къ разбитому корыту бонапартистской имперіи, съ какимъ-нибудь Николаевымъ вмѣсто Романова, а можетъ быть даже и съ Романовымъ. Прогнозъ невозможенъ, все зависитъ отъ реальнаго соотношенія общественныхъ силъ да еще отъ внѣшней коньюнктуры. Реальное соотношеніе силъ въ обществѣ учесть крайне трудно. А измѣненіе во внѣшней обстановкѣ прямо и предвидѣть невозможно: затяжка войны, неурожай, полный дискредитъ правительства, финансовый крахъ, революція въ Германіи соціалистическаго характера, преобразованіе всей Европы на новомъ принципѣ, выдвигаемомъ соціалистами... Кадеты ратуютъ за продолженіе войны. Они думаютъ, что война къ осени кончится побѣдой Согласія и образованіемъ федераціи государствъ Европы на тѣхъ принципахъ, которые возвѣщены міру Вильсономъ и подтверждены Англіей и Франціей. Но война можетъ и не кончиться къ осени, а затянуться до весны 1918 года. Быть

можетъ кажущаяся сейчасъ невозможной революція въ Германіи станетъ совершившимся фактомъ, и тогда выйдетъ, что кадетизмъ, поддерживая лозунгъ „Война до конца", придетъ къ тому концу, о которомъ трепетно мечтаетъ большевизмъ. Если же лозунгъ большевизма—миръ во что бы то ни стало—получитъ перевѣсъ, то выйдетъ какъ разъ то, о чемъ ратуютъ кадеты. Вотъ она своеобразность общественной динамики. Что же касается правительства, то оно пойдетъ по равнодѣйствующей всѣхъ общественныхъ силъ наиболѣе яркими выразителями, которыхъ стали кадетизмъ и большевизмъ. Слѣдовательно, государственная теорія кадетъ получитъ лишній разъ блестящее подтвержденіе, но какъ сложится равнодѣйствующая объ этомъ, конечно, ни кадеты, ни большевики, ни тѣмъ болѣе мы не знаемъ. Всякій высказываетъ свои положенія, борется за нихъ, а къ чему приведетъ эта борьба, поживемъ—увидимъ.

К. Кельтовъ.

Москва.
25 апрѣля 1917 года.

Цѣна 15 коп.

Складъ изданія: Москва. Таганная площадь,
книгоиздательство
„Общественное Дѣло“.